

У каждой семьи свои проблемы, которые трудно понять посторонним.

Цзян Дашу просто был расстроен, и ему нужно было выговориться, потому что держать всё в себе было невыносимо. С Цзян Даню, который уже был женат, об этом говорить было неудобно. Рассказывать родителям — значит заставить их винить себя.

Цзян Сяои не был болтуном и обладал добрым нравом. Цзян Дашу мог рассказать ему то, чего не сказал бы никому другому.

Поговорив с Цзян Сяои и заглянув в дом, он увидел, как Бай Цзыму, держа на левой руке Цзян Сяозэра, а правой придерживая за воротник Цзян Сяосаня, вошёл на кухню. Только тогда он спросил:

— Он хорошо к тебе относится?

Цзян Сяои кивнул.

Цзян Дашу улыбнулся.

— Ты так быстро. Я и не слышал, чтобы ты или третий дядя говорили о желании найти тебе мужа, а ты вдруг привёл человека. Когда я об этом услышал, чуть со стула не упал. Но ты уверен?

Пока они не поженились, ещё можно было передумать. Правда, репутация от этого пострадает, но, как говорится, когда блох много, их уже не замечаешь. Репутация Цзян Сяои и так была не на высоте.

Вчера Бай Цзыму упал в обморок на улице, и в деревне пошли всякие слухи. Вечером Цзян Дашу видел, как старуха Лу ходила во двор к семье Линь. А сегодня утром тётушка Линь и старуха Лу уже пришли к ним домой, чтобы его старшая тётушка уговорила Цзян Сяои.

Старуха Лу говорила, что Лу Ютянь хоть и любил раньше руки распускать, но теперь исправился, больше никого не бьёт. А этот парень, которого привёл Цзян Сяои, ни на что не годен. Её сын хоть и постарше, но старшие, они ведь заботливее, не так ли?

Бьёт ли Лу Ютянь до сих пор, кто знает. Даже если и бьёт, на улице кричать об этом не будет, это ведь не то, чем стоит хвастаться. А может, он и не перестал бить, просто бить некого.

После того как его «позорный секрет» стал всем известен, Лу Ютянь перестал показываться в деревне. Когда его видели, он всегда был мрачным, словно замышлял что-то недоброе.

Как говорится, кусачая собака не лает, а лающая не кусает.

Старуха Лу сначала уверяла, что даже если у Лу Ютяня снова случится приступ, они его удержат и не дадут больше никого ударить. Потом, видя, что старшая тётушка и двоюродная бабушка молчат, она начала плакать и хотела даже встать на колени, говоря, что они уже старые, внуков нет, сын тоже стареет, не может же он остаться один.

— Пожалейте нас, помогите, уговорите Цзян Сяои.

Старшая тётушка выгнала их. Цзян Дашу тогда даже огрел тётушку Линь метлой.

Семьи Лу и Линь просто видели, что у Бай Цзыму нет ни земли, ни умения работать, и решили, что у них есть земля и дом, и они лучше Бай Цзыму. Они не сдавались и снова пришли свататься.

Но их намерения были ясны даже Цзян Дашу, не говоря уже о старшей тётушке. Старуха Лу просто боялась, что когда они состарятся, Лу Ютяню будет тяжело одному за ними ухаживать, и работать по дому будет некому, вот и решила найти ему кого-нибудь.

— Угу, — Цзян Сяои знал, что Цзян Дашу беспокоится о нём, и, покраснев, сказал: — Он очень хорошо ко мне относится, и... и он мне очень нравится. Я хочу быть с ним.

Эти слова были такими смелыми и прямыми, что Цзян Дашу на мгновение опешил, а потом рассмеялся:

— Раз ты так решил, то и хорошо. Бабушка, мои родители и другие очень за тебя беспокоились, боялись, что ты, будучи неопытным, увидишь красивое лицо и обо всём забудешь. Но я знаю, что ты не из тех, кто поступает опрометчиво. Сегодня, услышав это от тебя, я окончательно успокоился. Уже темнеет, я пойду.

— Угу.

Бай Цзыму думал больше часа. Дождавшись, пока Цзян Сяои закончит мыть посуду, он присел рядом, долго ластился к нему и наконец сказал:

— Сяои, я хочу завтра съездить в город.

Цзян Сяои посмотрел на него.

— Зачем? Хочешь что-то купить? Может, скажешь мне, я съезжу. Твоё тело ещё не окрепло.

— Да не то чтобы купить.

Когда он вернулся, Бай Цзыму спросил у главного писаря. В других династиях было по-разному, но в Великой Чжоу результаты уездного экзамена обычно объявляли через семь дней.

Уездный экзамен, в отличие от областного, не имел никаких ограничений. К тому же, после того как отменили требование о поручительстве от сюэя, число участников каждый год было огромным. Все мечтали одним махом перепрыгнуть через драконьи врата, вступить на чиновничью службу и наслаждаться высоким положением и богатством.

Поэтому даже те, кто знал всего несколько иероглифов, шли попытать счастья. Участников было много, а проверяли работы только уездный судья и его писарь.

В маленьких городках главный писарь и другие чиновники не были настоящими учёными и не имели права проверять экзаменационные работы. Поэтому шесть дней — это не так уж и долго.

Бай Цзыму стеснялся говорить об этом. В прошлый раз он сказал, что сдавал экзамен ради забавы, и Цзян Сяои не придавал этому значения. Если он сейчас снова поднимет эту тему, а Цзян Сяои спросит, и окажется, что он не сдал, то это будет позор.

— Просто хочу прогуляться, — сказал Бай Цзыму. — Сегодня поел мяса, и чувствую себя намного лучше. Могу одним ударом тигра убить.

— Правда? — Цзян Сяои посмотрел на него.

Бай Цзыму с серьёзным видом ответил:

— Правда. Кого угодно обману, но только не тебя.

Цзян Сяои задумчиво посмотрел на него, без всякого сочувствия.

— Но сегодня в обед ты говорил то же самое.

Бай Цзыму: «...»

«Этот гэ'эр просто мастер наступать на больную мозоль. Невероятно».

— Ладно, иди, — увидев, что тот расстроился, Цзян Сяои тут же сменил тон. Он был совершенно не в силах быть строгим с Бай Цзыму.

Бай Цзыму тут же просиял, чмокнул его в левую щеку и услужливо начал массировать ему плечи.

— Цзян Сяои, я знал, что ты самый лучший. Я тебя до смерти люблю.

Цзян Сяои хихикнул, ничего не говоря, лишь большими глазами смотрел на Бай Цзыму, а затем молча повернул голову, подставив ему правую щеку. В его взгляде читалась радость и явное желание.

Цзян Сяои был на удивление смел. Он не был похож на других девушек и гэ'эров того времени, которые были застенчивы и скромны. Его любовь была пылкой и смелой, как степной пожар, бушующей и неостановимой.

Бай Цзыму почувствовал, как у него от смеха и волнения в груди всё затрепетало, стало щекотно.

Он поцеловал Цзян Сяои и в правую щеку. Тот засмеялся так, что его глаза превратились в щёлочки.

Отец Цзян молча отступил от двери.

Смотреть на это было невозможно. Просто невозможно.

«Этот парень, язык у него подвешен. Неудивительно, что он так вскружил голову нашему гэ'эру».

Жирное мясо, видимо, и вправду было питательным. На следующее утро Бай Цзыму проснулся, чувствуя себя бодрым и полным сил. Не то что в предыдущие дни, когда казалось, будто его переехал грузовик, тело ломило, и не было сил даже поднять руку.

Цзян Сяои, дождавшись, пока он умоется, дал ему тридцать вэней, чтобы он в городе съел миску лапши или купил паровую булочку. Он был скуп по отношению к себе, но для Бай Цзыму ничего не жалел.

Рис и прочие вещи из его пространственной сумки были и в Великой Чжоу, так что это не было чем-то ценным. Если съедят, то и ладно. Но другие вещи были уникальны, и каждая была на счету. Бай Цзыму не хотел их продавать. Он взял деньги, но только десять вэней.

Эти деньги были заработаны на продаже сахара. Бай Цзыму знал о положении семьи, не хотел ехать на воловьей повозке и собирался идти пешком. Но не успел он выйти, как Цзян Сяоэр и

Цзян Сяосань, узнав, что он идёт в город, не стали капризничать, а лишь с надеждой смотрели на него.

Маленькие дети любят оживление. Даже если в городе им ничего не купят, там много людей, много всего интересного, и они любят смотреть.

Цзян Сяои скоро должен был идти с отцом рубить дрова, поэтому Бай Цзыму решил взять двух малышей с собой.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань тут же просияли.

Цзян Сяосань, которого Бай Цзыму вёл за руку, по дороге увидел Чжан Дабао. Он вспомнил, как тот смеялся над ним, что у него нет гэфу, и тут же окликнул его, громко заявив:

— Дабао, у меня есть гэфу!

Он не то чтобы хвастался. Просто как ребёнок, получивший любимую игрушку, он был так счастлив, что хотел немедленно всем рассказать — у него есть гэфу. Особенно Чжан Дабао. Чжан Дабао смеялся над ним, что у него нет гэфу, а теперь есть. Об этом нужно было сообщить Чжан Дабао.

Чжан Дабао только что поссорился с отцом. Он хотел поехать на ярмарку, но его отец, мясник Чжан, собирался ехать на воловьей повозке. Он опоздал, и мест уже не было, оставалось только одно. На повозке было много вещей, и корзину со свиной приходилось держать на коленях, так что взять с собой Чжан Дабао было невозможно.

Мясник Чжан уговаривал его подождать дома, обещая привезти леденец. Чжан Дабао был недоволен и даже повалялся на земле. Теперь, услышав слова Цзян Сяосаня, он разозлился ещё больше.

Цзян Сяосань иногда был глупым, а иногда его интеллект внезапно просыпался. Увидев красные глаза Чжан Дабао и посмотрев в сторону въезда в деревню, где стояла повозка старосты, ещё не уехавшая, и староста помогал людям грузить вещи, Цзян Сяосань почесал голову и всё понял.

— Твой папа не берёт тебя в город, да? Ты, наверное, непослушный? Сяосань послушный, поэтому гэфу берёт Сяосаня с собой. Гэфу самый лучший для Сяосаня. А ты непослушный, поэтому твой зять тебя не берёт.

У Чжан Дабао было две сестры. Старшая вышла замуж в другую деревню, а вторая — в этой же деревне. У неё родился сын и дочь, поэтому её муж не очень-то баловал детей. К тому же,

Чжан Дабао был не очень послушным, капризным, как маленький дьявол. Целыми днями он носился по деревне, как маленький разбойник. Ему было уже восемь, а он ничего не понимал.

Муж второй сестры не очень его любил. Только когда он приходил в гости к тестю с тётцей, то из-за жены делал вид, что любит его, гладил по голове. Но на улице, встречая его, даже не обращал на него внимания, не говоря уже о том, чтобы взять его с собой в город.

Теперь, когда Цзян Сяосань его уел, глаза Чжан Дабао покраснели ещё больше. Но он был не совсем глуп. Увидев, как Бай Цзыму, опустив глаза, бесстрастно смотрит на него, он не решился тронуть Цзян Сяосаня и лишь указал на него, бросив угрозу:

— Ты у меня дождёшься.

Цзян Сяосань его не боялся. В крайнем случае, он просто убежит при встрече. Раньше Чжан Дабао бил его только тогда, когда он нёс что-то тяжёлое и не мог убежать. В остальное время Чжан Дабао не мог его догнать.

Видя, что он, кажется, одержал победу и очень рад, что наконец-то отыгрался, Бай Цзыму потрепал его по уху и с улыбкой сказал:

— В следующий раз, когда увидишь Чжан Дабао, держись от него подальше. Но если он тебя обидит, приходи и скажи мне, я ему задницу надеру.

Глаза Цзян Сяосаня заблестели, и он подпрыгнул от радости.

— Гэфу, ты самый лучший! Сяосань тебя любит!

На воловьей повозке сидели люди. Услышав его радостный крик, все обернулись.

Староста, не зная имени Бай Цзыму, обратился к Цзян Сяоэру:

— Сяоэр, вы куда собрались? На ярмарку?

— Угу, — ответил Цзян Сяоэр, обнимая шею Бай Цзыму. — Дедушка-староста, гэфу сегодня берёт меня и младшего брата в город погулять.

Услышав это, староста слегка нахмурился, и люди на повозке невольно посмотрели на Бай Цзыму.

«Ну и смелые же эти отец и сын Цзян. Этот человек всего несколько дней как появился, а они уже доверяют ему детей? Не боятся, что он их продаст?»

Отец Цзян, конечно, боялся. Но когда он вышел из уборной, Бай Цзыму уже увёл детей, и их след простыл. Что он мог сказать? К тому же, если подумать, если бы у Бай Цзыму были такие намерения, то за те дни, что он и его гэ'эр ходили в горы рубить дрова, а дети оставались с ним дома, он бы уже давно их увёл. Подумав так, он сразу успокоился.

Староста посмотрел на Бай Цзыму и, отряхнув руки от пыли, спросил:

— Парень, как тебя зовут?

Бай Цзыму встретился с ним взглядом.

— Здравствуйте, дедушка. Меня зовут Бай Цзыму.

«Вежливый, однако».

Староста смягчился.

— Слышал, у тебя со здоровьем не очень? В обед даже в обморок упал? Сейчас уже лучше?

Бай Цзыму ответил, что намного лучше. Староста ещё немного поучал его, чтобы он присматривал за детьми на ярмарке, а потом спросил, точно ли он решил стать приходящим зятем в семье Цзян. И зарегистрирован ли он. Если нет, то пусть придёт к нему. Он и дед Цзян Сяои раньше были братьями, он может сходить с ним, у него в ямэне есть знакомые.

Бай Цзыму был не дурак и всё понял. Староста его предостерегал. Семья Цзян хоть и состояла из стариков, больных и немощных, но он с ними в хороших отношениях, так что пусть не замышляет ничего дурного, у него в ямэне есть связи.

Бай Цзыму был даже немного впечатлён.

«Бойтся, что я детей продам, что ли? Да таких, как Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, чтобы продать, ещё и доплатить придётся. Я же не дурак. К тому же, я прошёл многократное перевоспитание и больше никогда не совершу противозаконных действий. Этот старик зря беспокоится».

На дороге было пыльно. Колёса повозки поднимали тучи пыли. Сегодня он шёл смотреть списки, а рано или поздно — всё равно. Бай Цзыму не торопился. Дождавшись, пока повозка отъедет на приличное расстояние, он медленно пошёл с двумя детьми позади.

— Гэфу, — сказал Цзян Сяосань, выйдя из деревни и указывая на реку. — В этой реке есть рыбка. Давай на обратном пути пойдём ловить рыбку, хорошо?

В его глазах была надежда. Бай Цзыму рассмеялся.

— Хочешь поймать?

— Угу, ловить рыбку весело, — сказал Цзян Сяосань.

На самом деле, ничего весёлого в этом не было. Просто у Цзян Сяосаня не было товарищей для игр, а на улице его обижали, поэтому он сидел дома, когда не работал. Цзян Сяоэр был слаб, и они, кроме как играть в камушки, не знали, чем ещё заняться. Цзян Сяосань раньше видел, как Чжан Дабао с другими ребятами ловил креветок в ручье, и это выглядело очень весело. Он тоже хотел, но у Цзян Сяои не было времени, а одного его к реке не пускали. Теперь у него есть гэфу, и он хочет, чтобы гэфу его отвёл.

Река была довольно глубокой, и там наверняка что-то водилось. Поймать пару-тройку на ужин было бы неплохо.

— Хорошо, — согласился Бай Цзыму. — На обратном пути гэфу поведёт вас на рыбалку...

Не успел Бай Цзыму договорить, как Цзян Сяоэр вдруг закричал, указывая пальцем вперёд:

— А, гэфу, не ходи, не ходи, остановись!

Бай Цзыму испугался, подумав, что среди бела дня появились призраки, и даже сжал кулаки. Но, посмотрев в том направлении, куда он указывал, ничего не увидел.

— Что случилось?

— Впереди гошаньфэн, — Цзян Сяоэр был очень напуган, его личико стало серьёзным. — Нам нужно остановиться, иначе он нас укусит. Это очень опасно.

— ...Какой ещё ветер? — Бай Цзыму был озадачен. Он считал себя довольно эрудированным: тайфун, торнадо, северо-западный, юго-восточный, все ветра он знал. Но о «горном ветре» слышал впервые. — Что это за горный ветер? Он ещё и кусается? Такой сильный?

— Это гошаньфэн! — Цзян Сяоэр продолжал смотреть на обочину, нахмутив брови. — Нам нельзя туда идти, иначе он нас укусит, и мы умрём. Он ядовитый.

Бай Цзыму слушал и всё больше запутывался, почти сбитый с толку Цзян Сяоэром. Он что, вдруг перестал понимать человеческую речь?

На помощь пришёл маленький ангел Цзян Сяосань.

— Гэфу, ты что, не знаешь гошаньфэн? Гошаньфэн — это змея.

Бай Цзыму: «...Так бы сразу и сказали».

Едва Цзян Сяосань договорил, как его гэфу поспешно опустил на землю его второго брата и бросился в ту самую траву, куда только что указывал второй брат. Через мгновение он выскочил оттуда, держа в руке змею.

Бай Цзыму, словно одержимый Брюсом Ли, схватил змею за хвост и начал размахивать ею, как нунчаками. Змея крутилась, как лопасти вентилятора, оставляя за собой размытый след.

— Смотрите, я использую нунчаки, хи-я!

— Вау...

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, разинув рты, смотрели на это с восторгом.

Этот гэфу был просто невероятен.

Он даже змей не боится!

Самым крутым в деревне был отец Чжан Дабао, дядя Чжан, который был мясником. Но даже он боялся змей!

Раньше, когда дядя Чжан проходил мимо их огорода и увидел маленькую змейку, он подпрыгнул и с криком убежал. Тогда змея была такой маленькой, а он испугался. А это был гошаньфэн! Все в деревне, увидев его, убегали. А гэфу осмелился схватить его голыми руками!

Это было просто потрясающе.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань сглотнули слюну, их лица выражали благоговение, а глаза сияли, как звёзды.

Бай Цзыму махал змеёй до тех пор, пока не решил, что она уже вырубилась, и только тогда остановился.

Змея была без сознания, безжизненно свисая, не двигаясь.

Бай Цзыму поднёс змею поближе. Он не разглядывал её, когда хватал за хвост. Теперь он узнал её.

Это оказалась королевская кобра!

Высший сорт для пряных полосок.

Эта тварь была чрезвычайно ядовита. Если бы она укусила тираннозавра, ему бы, наверное, пришлось ампутировать конечность.

Но Бай Цзыму был невосприимчив к ядам, так что ему нечего было бояться. Сейчас, глядя на потерявшую сознание королевскую кобру, он был немного в замешательстве. Эту тварь, кажется, нельзя ловить!

— Гэфу, ты такой крутой! — подбежал Цзян Сяосань и обнял его за ногу.

Бай Цзыму пришёл в себя. Точно.

В современном мире нельзя, нужно защищать диких животных. Но Великая Чжоу — другое дело. Здесь можно.

Он тут же улыбнулся.

— Гэфу, конечно, крутой. Если бы я не был крутым, разве твой старший брат потерял бы от меня голову? Влюбился бы в меня до смерти? Конечно, нет, правда?

— Правда, — рассмеялся Цзян Сяоэр.

Королевскую кобру называли гошаньфэн, потому что она была быстрой и издавала свистящий звук, похожий на завывание сильного ветра.

Раньше Бай Цзыму видел в Зале Цзиши высушенную змеиную кожу. К тому же, змеиное вино очищает жар, изгоняет яд, прогоняет ветер, укрепляет кости, сердце и стимулирует ян, а также расслабляет мышцы и активизирует кровообращение. Оно не только лечит ревматоидный артрит и другие болезни. Он подумал, что лечебница, скорее всего, купит её. А если нет, то не беда, можно будет принести домой и сварить.

Вчера вечером, когда готовили мясо, Цзян Сяои не съел ни кусочка. Бай Цзыму видел, что он тоже хочет мяса. Когда он мыл его, то постоянно сглатывал слюну, а за столом сдерживался, лишь изредка поглядывая на него. Бай Цзыму было так жаль его. Он предлагал ему поесть, но тот отказывался. Просто мяса было мало, и он не хотел есть, чтобы всё лучшее досталось ему.

Бай Цзыму раньше не задумывался об этом, но в тот момент ему вдруг отчаянно захотелось заработать много денег. Это желание было особенно сильным. Он хотел, чтобы Цзян Сяои мог есть мясо каждый день. Чтобы ему не приходилось так сильно себя ущемлять, экономя каждую

копейку.

Вчера, ложась спать, он всё ещё думал, как заработать деньги, и вот сегодня удача сама пришла к нему в руки. Он, не раздумывая, бросился вперёд.

Эта змея весила, наверное, больше трёх цзиней и стояла около половины ляна серебра. Бай Цзыму был очень рад и, махнув рукой, сказал:

— Пойдёмте, гэфу угостит вас паровыми булочками.

Цзян Сяосань, качая головой, подпрыгивал от радости.

— Ура, ура, спасибо, гэфу.

— А вы любите гэфу?

Два малыша в один голос ответили:

— Любим.

— А если гэфу поссорится с вашим старшим братом, вы за кого будете?

Цзян Сяосань и Цзян Сяоэр, не задумываясь, ответили:

— За старшего брата.

— ...Тогда идите ешьте молотки!

— А! Ну почему так! Гэфу, это неправильно.

<http://bllate.org/book/13701/1590473>